и с природою, но часто бываю очень, очень беспокоен в моем сердце. Поверишь ли, что ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою? Бегу в густую мрачность лесов — но мысль о разрушаемых городах и погибели людей везде теснит мое сердце. Назови меня Дон-Кишотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю человечество![1]

За месяц перед этим в стихах «Приношение грациям» Карамзин говорит, что он живет «под мраком черных туч ужасныя грозы, носящейся над нами». Впечатление, произведенное революцией на Карамзина, было огромно и формировало его политическую позицию, литературные устремления вплоть до интересов в области истории. Самое движение в отличие от провинциального дворянства он склонен расценивать чрезвычайно высоко.[2]

Какие же темы занимают в это время Карамзина? В «Послании к Дмитриеву» мы находим ответ на этот вопрос. Его занимает невозможность примирения классов. Пример революции подтвердил это. Попрежнему неизбежно должно царить неравенство и несправедливость.

Когда нещастных Данаид
Сосуд наполнится водою,

а это, как известно, никогда не может случиться, ибо он без дна, — тогда, пишет Карамзин:

Сатурн на землю возвратится
И тигра с агнцем примирит;
Богатый с бедным подружится
И слабый сильного простит;[3]

---

[1] Письма Карамзина к Дмитриеву, под ред. Грота, стр. 42

[2] В 1797 г. Карамзин поместил в «Spectateur du Nord» «Un mot sur la litterature russe». «Enfin l'auteur va parler de la revolution, — писал Карамзин, — ... La révolution francaise est un de ces évenements, qui fixent les destinées des hommes pour une longue suite de siècles. Une nouvelle époque commence; je le vois, mais Rousseau l'a prévue ... ... Et l'on veut déjà regarder la révolution comme finie! Non! non! On verra encore bien des choses etonnantes; l'extrême agitation des esprit en est le présage».

[3] Интересно, что эта тема непримиримых противоречий живо занимает Карамзина и в дальнейшем. Почти теми же словами высказывается Карамзин в письме к князю П. Вяземскому в октябре 1818 г.: «Между тем желаю знать, каким образом вы намерены через или в десять лет сделать ваших крестьян свободными, научите меня: я готов следовать хорошему